

1897

1. 1897

TATARICA

EDENDUM CURAVIT

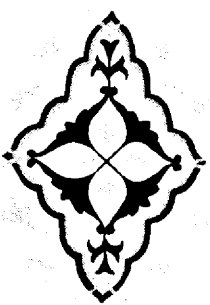
ABDULLA TUKAIN KULTTUURISEURA ry.

STUDIA

IN HONOREM

YMÄR DAHER

ANNO MCMCLXX SEXAGENARIO

ИЗ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТЮРКИЗМОВ В ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Р. А. Юнальева

Проблема исследования славяно-тюркских языковых контактов, отражающих исторический процесс взаимодействия народов, в большей степени разрабатывалась в плане изучения влияния славянских языков на тюркские. Однако многовековые взаимоотношения не были односторонними: как результат этого выступают тюркские заимствования в славянских и в частности восточнославянских языках.

Несмотря на ряд работ, посвященных рассмотрению тюркизмов в русском, украинском и белорусском языках, ¹ до настоящего времени мало сделано в сравнительно-сопоставительном освещении тюркизмов в системе восточнославянских языков. Как справедливо отмечает Н. А. Баскаков, "исследований, посвященных анализу тюркизмов в русском и других славянских языках, еще недостаточно, хотя для глубокого понимания процессов развития национальной культуры как славянских, так и тюркских народов эти исследования представляются весьма важными" (Баскаков, 1979, с. 5).

В данной статье ставится задача проследить развитие семантических особенностей тюркизмов в восточнославянских языках на материале названий одежды.

Одежда как один из компонентов материальной культуры давно интересует не только этнографов, археологов, историков, но и языковедов. Однако лингвистических исследований,

¹ См.: Довольно полный список отечественной литературы по ориентализмам в восточнославянских языках, составленный И. Г. Добродомовым и Г. Я. Романовой (Добродомов, Романова, 1979, с. 211-238).

касавшихся рассматриваемой тематической группы на материале восточнославянских языков, немного (Вахрос, 1959, 271 с.; Миронова, 1978, 220 с.; Репьева 1975, с. 75-93; Судаков, 1975, с. 40-42; Суперанская, 1961, с. 59-73), а число работ, использующих в качестве специального объекта исследования тюркизмы, - незначительно (Асланов, 1968, с. 128-142; Здобнова, 1972, с. 225-235; Репьева, 1976, с. 36-42; Томилина, 1975, с. 52-54; Юнальева, 1978, с. 149-162; 1982, 120 с.).

Как показывают наблюдения, многие тюркские названия одежды встречаются не только в русском, но и в других славянских, и в частности в восточнославянских языках. Конечно, естественно и качественно они неодинаковы по языкам.

Тюркизмы - названия одежды в восточнославянских языках выступают в нескольких разновидностях: 1) присущие всем трем языкам, 2) русско-украинские, 3) русско-белорусские и 4) свойственные лишь одному из восточнославянских языков. Рассмотрим наиболее представительную разновидность - тюркизмы, так или иначе отмеченные в русском, украинском и белорусском языках.

С точки зрения сферы употребления среди них выделяются: 1) общеязыковые во всех трех языках лексемы (сарафан, шаровары, тесьма) и 2) представленные различно по языкам: а) как общеязыковые - в одном или двух языках и как диалектизмы или профессионализмы - в других (другом) - кашпук или б) как междиалектные тюркизмы (очкур, кичка, каптур), и в) слова-экзотизмы (чалма, чадра).

С точки зрения характера функционирования среди анализируемых тюркизмов выделяются следующие типы: 1) во всех языках активно используемая лексема (тулуп, сарафан, тесьма и др.), 2) в одном (двух) языках - активно употребляющаяся лексема, в другом (других) - устаревшее слово, архаизм (калита, кутас и др.), 3) во всех трех языках - историзм (епанча, кафтан и др.).

Однако есть случаи, когда семантико-функциональные особенности тюркизмов настолько своеобразны по языкам, что не укладываются в указанные типы и составляют особые разновидности.

Насколько можно судить по доступным нам материалам, анализируемые тюркизмы имеют наиболее раннюю фиксацию памятникам русской письменности. Исключение составляют лексемы штаны, епанча, тегилый и кутас. Тюркизм штаны впервые в русском языке отмечается под 1595-1599 гг. (ТВОРАО, XX, с. 440), в старобелорусских памятниках обнаруживается под 1555 годом (Марченко, 1964, с. 11-12); слово епанча соотвественно под 1582 и 1508 гг., тегилый и кутас: 1582 г., 1589 г. и -1516 г. (Журавский, 1974, с. 90).

Одним из древнейших тюркских заимствований в восточнославянских языках является епанча (Назаров, 1958, с. 270)². Этот тюркизм входит в число лексем, которые из некогда имевших общенародное употребление перешли в разряд устаревших.

В ранний период слово епанча было известно в трех значениях: 'род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов'; 'полость в санях или повозке'; 'подстилка под седло поверх потника, чепрак'. Два последних значения объединяет определенная общность применения. Судьба их в русском языке была одинаково непродолжительной ввиду раннего выхода из употребления самой реалии - полости в санях и подстилки под седло. Поэтому епанча в основном была известна как 'особый вид одежды'. Причем первоначально это была мужская одежда типа широкого безрукавного круглого плаща; различали: Дорожную, из верблюжьей шерсти или грубого сукна и нарядно-выходную, из Дорогой материи, подбитую мехом.

Вершиной использования реалии было введение Петром I епанчи как обязательного атрибута воинского обмундирования: солдаты надевали ее поверх мундира в ненастное или холодное время (Тучков, 1818, с. 137). С XVIII в. начинает выступать данная лексема чаще в форме епанечка в качестве обозначения женской одежды: короткой безрукавной шубейки, накидки по верх сарафана. В конце XVIII в. епанча как вид одежды еще сохраняется, но уже приобретает конкретное назначение, равное плащу. В дальнейшем произошло и полное вытеснение епан-

2 Ввиду ограниченного объема статьи анализируется лишь один конкретный пример восточнославянского тюркизма.

чи словом плащ, имевшим четко проявленную определенность номинации. Словарями XIX в. слово епанча уже дается с пометой устаревшее; в настоящее время оно относится к числу историзмов.

Как реалия и название епанча более всего сохранилась в диалектах, где она известна в нескольких значениях: 'вид одежды'; 'сукно'; 'крыша на четыре ската'; и в составе фразеологизма нашего сукна епанча - 'живет по-нашему', 'живет как мы'.

Слово епанча в русских говорах имеет сравнительно небольшую зону распространения: от Архангельска до Курска и Воронежя и от Калуги до Свердловска, но отмечено не сплошным массивом, а отдельными островками; в основном оно употребляется в центральной части Европейской территории.

С одной стороны, постепенно утрачивая активные позиции функционирования в своих первоначальных значениях, с другой - епанча успела дать жизнь ряду семантических дериватов, унаследовавших основной семный признак тюркского этимона - 'покрывать', 'служить покрывном'. Епанча приобрела способность совершенно другого терминологического употребления, сохраняя лишь генетически отдаленную связь с первоисточником. Анализируемая лексема, подвергшись процессу детерминологизации, переключилась, таким образом, из одной 'специальности' в другую. Так, словом епанча называют:

- 1) на плавильных заводах печной корпус, кожух, первые два ряда кирпичей, покрывающие своды плавильной печи; 2) кожистослизистая, иногда перепончатая, хрящеватая или мускульная оболочка, облегающая тело моллюсков и выделяющая углекислоту извести на образование раковины; 3) в русском зооцестве: четырехскатная шатровая царская или шинлем кровля; 4) вид растений - епанечные вишни; "этой породы вишни листьями своими обвешаны биваюот словно епанчею..." (Бурунашев, I, с. 200; Даль, I, с. 520). И так, в результате перемещения смыслового акцента слово епанча получило распространение в ме-таллургической, архитектурной и биологической терминологиях.

В пору активного бытования в речи слово епанча характеризовалось значительным кругом грамматических дериватов:

епанчица, епанечник, епанечный, епанечка, епанчишко, епанчовый, епанчище, епанечковый, епанчик, которые исчезли в основном раньше выхода из употребления самой производящей основы. Свообразным исключением является форма субъективной оценки епанчишко, которая по-своему пережила свой источник, поскольку она совмещала название реалии с ее оценочной характеристикой. Диалектное же слово епанча - 'вид рваной одежды' - отразило реакцию на изменение функционалирования самой реалии. Кстати, аналогичная семантическая эволюция наблюдается и в ряде других лексем: азам - 'рваное, худое платье' (олон.); 'широкая, не по росту шитая одежда' (перм.); армяк 'одежда дешевого вида' и 'очень поношенная одежда' (смог.); зипун 'вид рваной одежды' (дон., олон., влад., волог.); бешмет 'плохое, раннее пальто', 'ветхая верхняя одежда мужчин' (пск.) и т.д. Все это свидетельствует о семантических сдвигах, продиктованных функционально-стилевыми изменениями заимствований.

В белорусской письменности апанча (епонча, епанча, опонча, опанча) в значении 'широкий плащ без рукавов' отмечается с 1508 года (Булыко, 1980, с.113). Современные лексикографические источники белорусского языка определяют лексему как 'накидка, плащ' и причисляют к историзмам.

Широкое диалектное проявление анализируемого тюркизма отражает украинский язык, где он, выступая в следующих вариантах: опанча, опонча, опанча, панча, обнаруживает определенную специализацию обозначения. Так, в полтавских говорах опанча известна как 'название старинной одежды' и 'материи'; на Черниговщине панча - 'старинная длинная и широкая накидка'; на Черкашине опонча - 'верхняя мужская одежда'; в Хмельницкой области слово опанча отмечается как 'длинная одежда, несколько раз подпоясанная'; в бывшей Херсонской губернии опанча, епанча - это 'широкий, длинный плащ без рукавов'; в галицких говорах опонча означает 'верхний кафтан'. В речи батюков опанча, опанче фиксируется как 'верхняя серая одежда'. В бойковских говорах опанча, опонча совмещает ряд соответствий: 'длинный армяк из грубого сукна', 'верхняя мужская одежда, которую носила шляхта',

'плащ из серого сукна сзади со сборками и "глобуком" (пелериной), который носили... зажиточные крестьяне'; 'верхняя мужская одежда, вид армяка, ранее чумарки, в настоящее время куртки'. По материалам О.Макарушко, тюркизм означал 'зимнее убранство' (Макарушко), 1895, с.8); а по данным Словаря украинского языка семидесятых годов, опанча - 'шинель с рукавами и нахлобучкою, из фабричного сукна'; 'казахья и пастушья войлочная короткая одежда или пошита из меха жеребят'. Форма опанчина, по материалам украинского языка прошлого и начала нынешнего столетия, выступала в значении 'плохая епанча', в чем просматривается одинаковый семантический сдвиг с русской производящей основой, отражающий наличие общих межнациональных типов ассоциативных связей.

Сходство и различие общевосточнославянских тюркизмов проявляется, как видно, прежде всего в их функционально-стилистическом статусе. Если тюркизмы алам, шикак, султан во всех восточнославянских языках относятся к числу историзмов, то такая устаревшая для русского языка лексема, как кашпук, в украинском и белорусском языках входит в основную словарный состав. Тюркизм калита лишь в украинском языке нормативен, в русском и белорусском языках относится к устаревшим. В русском языке слово кашпук можно встретить лишь в диалектном употреблении; причем оно имеет довольно широкий ареал, правда, в основном очерченный говорами западных, центральных и северных областей. Наличие слова кашпук в русских говорах Хакассии, очевидно, следует признать привнесенной пришельцами в местную речь лексической особенностью.

С точки зрения типологической дифференциации анализируемых заимствований в восточнославянских языках выявляются определенные формально-семантические разновидности, отражающие системные своеобразия языков.

Большинство тюркизмов формально соотносятся в восточнославянских языках, однако не всегда имеют одинаковую семантическую соотношенность. Содержательный объем лексем в одном языке редко покрывается содержательным объемом внешне сходной, коррелирующейся пары. Так, среди межъязыковых

заимствований при совпадении лексем выделяются следующие типы семантических взаимоотношений: 1) общесходная соответность (сарфан, штаны, тесьма и др.), 2) частичная соответность (копач, бутай, басма и др.), 3) исторически-условная соответность (армяк, кишень, кутас, и др.), 4) нулевая соответность (рус. диал. чулок - 'конусообразная мотня, матица невода'; бел. полес. мисюрка - 'жаворонок хохлатый' и др.).

Кроме отмеченного, среди исследуемых тюркизмов встречаются: 1) лексемы, не имеющие формально коррелирующихся пар (рус. терлик, азам, кульмяк, араччин и др.) и 2) лексемы, выступающие в формально или формально-семантически измененном варианте (белор. каблучка - 'перстень'; рус. диал. каптурник - 'растение семейства гвоздичных' или 'заросли репейника, лопуха'; белорус. каптурник - 'женская шапочка'; укр. каптурка - 'мужской головной убор: шерстяной колпак в виде усеченного конуса' и т.д.).

Наблюдения показывают, что совпадают, как правило, формы, а семантическая соответственность или отсутствует, или слишком отдаленная, а потому условная, или проявляется лишь в частичном совпадении значений, что позволяет говорить о развитии межязыковой омонимии: рус. каблучки - 'каблучки' и бел. полес. каблучки - 'приспособление для подноса сена скоту'; рус. колпачок - 'уменьш. к колпак - 'вид головного убора' и белорус. полес. ковпачок - 'колпачок для изоляции матки на сотах' и т.д. Эти и подобные примеры отражают корреляцию их в разных языках со словами не одного и того же синонимического ряда, что определяет и различные системных лексических связей.

Сопоставительный анализ тюркизмов исследуемой тематической группы в восточнославянских языках позволяет установить наибольшую степень соответствия семантического содержания и общей предметной соответственности внутри общевосточнославянских тюркизмов, отражающих более древний пласт лексики, отличавшийся меньшей степенью специализации.

Общие для языков тюркские заимствования составили межязыковой пласт лексики. Однако, попав хотя и в родственные,

но неадекватные системы и подчинившись специфическим для каждого конкретного языка потребностям функционирования, они по мере приближения к современности стали все более разобщаться, утрачивая или, напротив, приобретая семантические показатели, продиктованные национальными ассоциативно-языковыми нормами.

Большинство тюркизмов, лексически совпадая в языках, различаются числом значений или степенью детализации одного из значений. Одним из примеров семантической эволюции на восточнославянской почве может служить кичка - 'старинный головной убор русской, украинской и белорусской женщины'. В результате различного рода переосмыслений данная лексема, по известным нам сведениям, выступает в белорусском языке в двух, украинском - тринадцати, в русском - шестнадцати значениях. Два значения - 'женский головной убор' и 'подхомутник' являются общими для всех восточнославянских языков. Четыре значения, - общими для русского и украинского языков: 'верх чего-либо', 'маковка, верхушка'; 'нос, передняя часть речного судна'; 'оставшийся на земле пень или его коверень'; 'часть хомута, огибающая шею лошади'. Специфику украинской лексемы составляют значения: 'кольцеобразный валтик под женским головным убором', 'прясть льна в косе у новобранной', 'пучок камыша для крытья крыши'; 'часть ворот, дверей'; 'выступ, рог'; 'длинный шест у колодца, употребляемый при подъеме воды' (СУМ, II, с. 241; Лысенко, 1974, с. 190; Русл., с. 16). Чисто русскими семемами являются: 'род женской прически'; 'перекладина, укрепляющая носовую часть речного судна'; 'столбик в носовой части баржи для закрепления снастей'; 'сидение в носовой части судна'; 'навес в кормовой части баржи'; 'задний конец рыболовных снарядов - ...'; 'шишка на лбу безрогой коровы'; на русской почве сформировались также два омонимичных слова, означающие: 'свора собак' (курские говоры) и 'овца' (архангельские говоры).

Совпадая по форме и основному значению - 'вид головного убора' - тюркизм каптур (а) различается в восточнославянских языках как числом значений, так и детализацией осовновного значения. Так, в русском языке лексема известна в

четырёх значениях: 'головной платок' (КПОС), 'рогатый женский головной убор' (Новосиб.гов.), 'кошпак, шапка' (калин.гов.) 'капюшон' (Новорос.гов.); 'верхний выступ на фасаде печи' (Новосиб., смол., урал., в гов. Лит.ССР и Латв. ССР); 'чехол из холстины для защиты от комаров, надеваемый на голову и шею' (олонец., архан., урал.гов.); 'кисет' (амур.гов.). В украинском языке тюркизм фиксируется в четырёх значениях при своеобразной специализации основного значения: 'старинный головной убор замужней женщины', 'женский головной убор с круглым дном из цветной материи, разновидность очипка', 'капюшон у верхней одежды', 'глобук, капюшон мо-нашеский'; 'железное кольцо на конце ступицы колеса'; 'зазубцы', 'часть печи над топкой'.

В белорусском языке анализируемая лексема выступает в более десяти значениях, отличаясь детализацией основного значения и большим разнообразием переносных значений: 'капюшон, глобук', 'капор, чепец', 'шапка', 'чепчик у замужних женщин и грудных детей', 'шапка с ушами', 'женский головной убор', 'детская шапочка', 'самая высокая передняя часть печи', 'выступ в камине', 'десятый сноп колпны', 'верхняя часть кухонной печи, переходящая в дымоход', 'навес', 'передняя часть печи, возвышающаяся над лежанкой', 'вытяжное поле над горном', 'печурка', 'верхняя часть каминна', 'приспособление для вентиляции', 'крышка', 'абажур', 'щиток в санях'.

Анализируемый материал констатирует также отличия в степени частной конкретизации значений по соответствию видам одежды; наиболее высокие показатели демонстрируют русские тюркизмы. Так, русский кафтан насчитывает до десяти разновидностей по покрою (длинный, широкий, с борами, без воротника и т.д.) и столько же разновидностей по соответствию другим видам одежды (вид армяка, бешмета, кофты, пиджака, пальто, расы и т.д.).

Неодинакова по языкам соотношенность лексем и семем и с точки зрения принадлежности к различным стиливым уровням. В целом русским тюркизмам более свойственно развитие значений эмоционально-оценочной характеристики и смещение

в разряд экспрессивно-окрашенной лексики (балахон, штаны, шаровары, башмак, бахилы и т.д.).

Наличие сходных тюркизмов в восточнославянских языках является показателем давних и широких тюрко-славянских контактов. Специфика количественного и качественного проявления в русском, украинском и белорусском языках объясняется функционально-семантическим своеобразием их внутриязыкового развития, а также факторами экстралингвистического порядка.

Литература

- Асланов Г.Н. Лексические заимствования из азербайджанского языка, связанные с названием одежды в русских говорах на территории Азербайджанской ССР. - В сб.: Слово в русских народных говорах. Л.: Изд-во Наука, Ленингр. отделение, 1968.
- Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит-ры, 1979. - 280 с.
- Булыка А.М. Лексычныя запачычанні ў беларускай мове ХХІ-ХХІІІ ст.ст. - Мінск: Навука і тэхніка. 1980. - 256 с.
- Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. - СПб., т. I-II, с. 1843-1844.
- Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. Древнейшие наименования Днепропетровской эпохи. Хельсинки, 1959.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.т. I-IV. - М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
- Добродомов И.Г., Романова Г.Я. Библиография основной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. - В кн.: Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слово о полку Игореве". Л.: Наука, Ленингр. отд. 1979.
- Журавский А.И. Лексика тюркского происхождения в старобелорусском языке. В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. - М.: Наука, 1974.
- Здобнова З.П. Судьба тюркизмов в русских говорах Башкирии. - Уч. зап. Башкирского ун-та. Сер. филол., вып. 50. Языковые контакты в Башкирии, Уфа, 1972.

- КПОС - Картоотека Псковского областного словаря (ЛПУ).
 Дисенко П.С. Словник поліських говорів. - Київ; Наук. думка, 1974.
- Макарушко О. Словник українських виразів, перейнятих в мов тюркських. - Зап. наукового тов-ва м. Шевченко. т. 5, № 2. - Львів, 1895.
- Марченко Е.З. Бытовая предметная лексика в старобелорусских памятниках деловой письменности XV-XVI вв. - Дис. ... канд. филол. наук. Минск. - 1964.
- Миронова Г.М. Названия одежды в Древнерусском языке. - Дис. ... канд. филол. наук, Киев, 1978.
- Назаров И.И. Тюркско-татарские элементы в языке Древних памятников русской письменности. - Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. Филологический сборник. вып. 15, Казань, 1958.
- Репьева Э.Н. Из наблюдений над номинацией одежды в памятниках русской и украинской деловой письменности XV века. - В кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. Киев. гос. педаг. ин-т им.А.М.Горького, 1975.
- Репьева Э.Н. О некоторых тюркизмах в русском и украинском языках XV-XVI веков (по материалам памятников деловой письменности). Ст, № 5, 1976.
- РУСЛ - Русско-украинский словарь. - Киев, 1895.
- Судаков Г.В. Лексика одежды в русском языке XVII (география и семантика). - В сб.: Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. - Тезисы конференции, Октябрь 1975 г. вып. 2. - М., 1975 (ПСИШД).
- СУМ - Словарь української мови /Под ред. Б.Д.Гринченка, т. I-IX, Киев, 1907-1909.
- Суперанская А.В. Русские названия верхней одежды. - Учен. зап. Латвийского гос. ун-та 43 т., Рига, 1961.
- ТВОРАО - Посольство Тюфякина 1595-1599гг. - Труды Восточного отделения Русского археологического общества. т. XX - СПб., 1890.
- Томилина Г.Я. Из истории тюркских названий головных уборов в русском языке. - ПСИШД.

- Тучков С.А. Военный словарь. ч. I-2, М., 1818.
- Юнагеева Р.А. Структурно-семантическое развитие русских слов с тюркским элементом кап-. - В кн.: Грамматическая лексикология русского языка. - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1978.
- Юнагеева Р.А. Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). - Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1982.

HISTORIAA TURKKILAISUUDEN VAIKUTUKSESTA
ETELÄSLAAVILAISIIN KIELTIIN

R. A. Junaleeva
Lyhennelmä

Yhdenmukaisen turkkilaisuuden käyttökelpoisuus eteläslaavilaisissa kielissä todistaa pitkäaikaisista ja laajoista turkkilais-slaavilaisista yhteyksistä. Määrällisten ja laadullisten ilmausten erityispiirteet venäjän, ukrainan ja valkovenäjän kielissä selittyvät näiden kielten sisäisen kehityksen sekä myös ulkoisen luonteen toiminnallisen ja merkityksellisen erikoisuuden perusteella.

ON THE HISTORY OF THE INFLUENCE OF TURKISMS
ON EASTERN SLAV LANGUAGES

R. A. Unaleyeva
Summary

The existence of similar Turkisms in Eastern Slav languages testifies to long-term and broad Turkish-Slav contacts. Specific features of quantitative and qualitative manifestations in the Russian, Ukrainian and Byelorussian languages are explained by the functional and semantic peculiarity of their inner linguistic development and factors of an extralinguistic nature.

VÄHÄISEN SUOMEN OIKEUSHISTORIAA HELSINGIN YLIOPISTON JA
HELSINGIN KAUPUNGIN VÄLISEN RIITAJUTUN POHJALTA

Lauri Kotinemi

Ymär Daher tunnetaan tieteenharjoittajain keskuudessa ensisijaisesti filologina. Varsinaisen elämäntyönsä hän on kuitenkin suorittanut lakimiehenä, lähinnä finanssiallinnon alalla toimien mm. Helsingin veroviraston osastopäällikkönä ja esittelijänä korkeimmassa hallinto-oikeudessa. Erityisesti on myös syytä mainita hänen suuriarvoinen työnsä Suomen tataarien hyväksi, erräänä esimerkiksi tataarinkielisen koulun perustaminen Helsingiin. Näin ollen lienee perusteita sisällyttää Daherin juhlakirjaan Suomen oikeusoloja koskeva artikkeli.

Suomi kuului Ruotsin valtakuntaan 1100-luvulta alkaen noin 700 vuotta. Alkuun hatara yhteys valtakunnan osien välillä vahvistui ajan mittaan niin, että mm. Ruotsin lait tulivat Suomessakin noudatettaviksi.

Venäjä valloitti Suomen 1808. - Mainittakoon, että valloituksen yhteydessä Suomeen muodostui tataarien vähäinen siirtokunta. Nykyisin Suomessa asuu noin 1500 tataaria.

Venäjän Keisari antoi vuonna 1809 kokoonpaneella Porvoon valtiopäivillä juhlallisen vakuutuksen, jossa hän vahvisti Suomen uskonnon, perustuslait ja muut oikeudet. Säädöt vannoivat sitten uskollisuudenvalan Keisarille. Suomen asema Venäjän yhteydessä muodostui näin varsin itsenäiseksi. Suomella oli mm. omat valtiopäivät, oma hallitus (Suomen senaatti) sekä entiset Ruotsin ajalta perityt lait ja oikeuslaitos. Yhdyskseenä Venäjään oli yhteinen hallitsija, Venäjän Keisari, mutta Suomen osalta hänen valtansa oli rajoitettu Suomen perustuslakien mukaisesti.